

ИНОСТРАННЫЙ КНИГОТОРГОВЫЙ БИЗНЕС В РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА¹

FOREIGN BOOKSELLING BUSINESS IN RUSSIA AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURY²

A. Topilsky
R. Zhitin

Summary: The article examines the influence of foreign booksellers on the Russian book market of the late 18th – early 19th centuries. The policy of the Russian authorities to regulate the foreign bookselling business is characterized. The publications that gained the most popularity in Russia are shown.

Keywords: Russian Empire, literature, Francophile, bookselling, reading culture.

Топильский Алексей Геннадьевич

к.и.н., доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
a-topil@yandex.ru

Житин Руслан Магомедович

к.и.н., научный сотрудник, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
istorik08@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается влияние иностранных книготорговцев на российский книжный рынок конца XVIII – начала XIX века. Охарактеризована политика российских властей по регулированию иностранного книготоргового бизнеса. Показаны издания, набравшие наибольшую популярность в России.

Ключевые слова: Российская империя, литература, галломания, книготорговля, культура чтения.

Вопрос о частной книготорговле иностранными изданиями в России малоизучен. Самыми значительными их написанного по данной теме до сих пор остаются публикация А.А. Зайцевой о российском книжном рынке конца XVIII – начала XIX века [3]. В результате в историографии практически отсутствуют сведения о специфике книготоргового бизнеса в этот период, нет данных об условиях продажи, цене изданий и покупаемом репертуаре, слабо представлены имена зарубежных комиссионеров, которые поставляли и реализовывали заграничные сочинения в России. Изучение этого вопроса позволяет проследить истоки книжности в нашей стране, понять характер развития рынка изданий на заре формирования личных библиотек.

Основы книжной торговли в России XVIII века складывались иностранными переплетными мастерами, трудившимися в этот период в России. Наиболее ранние сведения о деятельности зарубежных специалистов «переплетного» и книготоргового профиля относятся к букинистическому рынку Санкт-Петербурга конца XVIII в. Имеющиеся данные позволяют раскрывающих личность комиссионеров, объемы и размеры продаж.

В большинстве своем образ книготорговца-иностранца Санкт-Петербурга конца XVIII века складывался из массы ремесленников, приехавших в Россию из немецких вольных городов и маленьких княжеств. В

основном это были полуразорившиеся специалисты, не выдержавшие конкуренции на родине и мечтавшие поправить свое финансовое состояние в России. Так, родом из Любека были книжные комиссионеры Вильгельм Миллер Фридрих Шубоц, Иоганн Клостерман, Яков Гей и др., из Линдау Христиан Торно, Иоганн Логан, из Страсбурга – И. Соссе, московский книгопродавец Куртене и др. Иностранные граждане из других стран Европы также присутствовали в общей массе книжных торговцев, однако они не занимали какой-либо солидной ниши в структуре книжного бизнеса. Так, из сообщений об «приезжающих» в страну иностранцах, публиковавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях», можно предположить, что в столицу российского государства приезжали комиссионеры из австрийской империи (Франца Риза), Италии (Роспини), Чехии (Ян Непомук) [3, с. 31].

Данные о визитах в Россию иностранных книготорговцев показывают, что большинство из них имели представление о специфике местной жизни и ехали в Санкт-Петербург осознанно. Так, например, переплетчик Фридрих Готлиб Шубоц из Любека, книгопродавец Иоганн Герстенберг из Дрездена знали русский язык. Ряд книготорговцев бывали в России неоднократно. И. Клостерман приезжал в Петербург в 1768 и 1770 гг., Ф. Мейер в 1771 и 1774 гг. Таким образом коммерческие передвижения иностранцев явно совершались осознанно и планировались заранее.

1 Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

2 The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-01964).

Зная политические условия жизни в стране, иностранные купцы старались вести автономный бизнес, не привлекая к нему особого внимания (как стороны российской аристократии, так и правящих верхов). В негласном распоряжении 1765 года Екатерина II требовала контроля за книжным рынком Санкт-Петербурга, справедливо полагая, что безотчетная продажа заграничных сочинений (и часто запрещенных) может всколыхнуть разные слои общества. В случае нарушения она велела «конфисковать все лавки и продать на щот Сиропитательного дома» [1, с. 392]. В годы французской революции внимание властных структур к книготорговцам еще более усилилось. Государственными указами вводилась всеобщая цензура и ограничивался ввоз книг из-за рубежа. В феврале 1793 г. из страны в трехнедельный срок были высланы все французы, за исключением лиц, принесших специальную присягу [5, с. 6]. Описывающий данные события Н.И. Греч назвал происходящее «сущей испанской инквизицией». По его воспоминаниям, книги не только «запрещали, но и марали». «За малейшее нарушение формы» «преследовали и наказывали книгопродавцев», словно они «злодеи или революционеры». Попавшийся на продаже «вредных книг» французский коммерсант Бува (Bouvat) был настолько напуган, что неустанно повторял «Меня сошлют в Сибирь! Спасите!» [2, с. 100].

Политические причины и притеснения книготорговцев стали основанием для сокращения их присутствия в России. По наблюдению Зайцевой, массовый отъезд из России иностранных переплетчиков, книгопродавцев, печатников и др. наблюдался в 1791-1794 гг. и в 1796-1797 гг., то есть в годы максимальной политической реакции [3, с. 31-34].

Излишнее внимание властей к книготорговой деятельности формировало и другие стратегии поведения. Так, в отличие от русских книгопродавцев, зарубежные комиссионеры не публиковали объявления об открытии своих книжных лавках в Санкт-Петербургских ведомостях. Более того, ряд книжных торговцев (Иоахим Паули, Тестенберг или, позднее, Тейлен) вообще не печатали никаких объявлений о своем бизнесе.

Однако это не значило, что заграничных купцов было трудно найти. Иностранцы предпочитали селиться и торговать в одном месте – на Невском проспекте, в районе нынешней Исаакиевской площади и на Васильевском острове. Примечательно, что зоны компактного размещения зарубежных комиссионеров не совпадали с размещением русских торговцев, располагавшихся во 2-й адмиралтейской части Санкт-Петербурга.

Динамика иностранной книжной торговли во второй половине XVIII века была различной. Одним из первых в Санкт-Петербурге стал торговать переплетных дел

мастер Вильгельм Миллер. До начала 1760-х гг. это был самый крупный и известный торговец столицы. Кроме того, он являлся единственным из иностранных купцов, который регулярно подавал объявления о продаже своих книг в «Ведомостях». Следует отметить, что на столь нехарактерный для зарубежных комиссионеров шаг могли подтолкнуть его тесные связи с российской аристократией.

В начале 1760-х гг. в связи с расширением общественной жизни в России в число известных книжных комиссионеров добавились немецкие переплетчики К. Тидцелиус, И. Берлин, К. Фохтер, и др. Как правило, это были служащие российских государственных учреждений, совмещавшие переплетные занятия в казенных заведениях и в своих собственных магазинах. Так, К. Гет переплетал документы при Сухопутном кадетском корпусе, Розенберг был «академическим» переплетчиком. Не исключено, что успех новых книготорговцев был связан с просветительской деятельностью Н.И. Новикова в Санкт-Петербурге. Во всяком случае, построившие успешный книжный бизнес К.В. Миллер и И.Я. Вейтбрехт изначально были его торговыми партнерами и только потом открыли собственное дело [10].

На волне популярности книгопечатания и высокого спроса на издательскую продукцию деятельность иностранных комиссионеров в России существенно расширяется. В 1798 г. немцами Цимсеном, Алиси и Гансландом одновременно было открыто 4 новых книжных магазина, продававших не только зарубежные и российские издания на иностранных языках, но и сочинения на русском языке.

В первые годы правления Александра I в Москве и Санкт-Петербурге одна за другой отрываются французские книжные лавки. В стране окончательно утверждается галломания, т.е. преклонение перед всем французским. Английская путешественница К. Уилмот, жившей в этот период в России, отмечала подражание культуре Франции во всем: «...как странно видеть, что среди этих французских манер, языка и нравов русские кричат против Бонапарта, когда не могут съесть обеда без французского повара, когда не могут воспитать детей без парижских бродяг, принимающих здесь обязанности наставников и гувернанток, словом, когда весь внешний лоск взят из Франции» [4, с. 22]. Французское влияние сказывалось и на книжной культуре русских дворян. Большую популярность в это время получают франкоязычные издания политического характера. Так, в одном из самых крупных книжных собраний Центрального Черноземья – библиотеки семьи Цуриковых – преобладали франкоязычные монографии политического и исторического характера: здесь была и «Философская история» («*Histoire philosophique et politique des isles françoises*») Т. Маколея, и «Похождения Телемака» («*Les Aventures de*

Télemaque) Ф. Фенелона, и «Описания военных кампаний в 1644-1646 гг. по истории Бельгии» (*Relations des campagnes de 1644 – 1646*) и другие сочинения [6].

Галломания, активно влиявшая на жизнь высшего сословия, в итоге придавала книготорговому бизнесу Санкт-Петербурга новый вектор развития. Вчерашние немецкие книгопродавцы «из Иоганов, Францев и Германов мгновенно превратились в Жанов, Франсуа и Жерменов» [3, с. 34]. Таким незатейливым способом немецкие купцы пытались увеличить объемы своих продаж. Мода на все французское в книжной индустрии России начала XIX века была настолько сильна, что даже русские комиссионеры переходили на рекламу русскоязычных монографий на французском языке. Одновременно менялся и внешний вид магазинов. Старые лавки оформлялись на пышный манер, магазины украшались картинами, красивой мебелью, параллельно в них начинали продаваться вина, табак, антиквариат. Своеобразные универмаги прошлого создавались исключительно для русской аристократии – главного проводника галломании в Российской Империи конца XVIII – начала XIX века.

Для того, чтобы противостоять разным неблагоприятным факторам и политической конъюнктуре в России, иностранцы стали создавать совместные книготорговые компании. В начале XIX века в России повсеместно стали известны магазины «А. Балц и тов., И. Герстенберг с тов., Ф. Динеман и комп., А. Плюшар и комп., Л. Бриф и Вондерфур» [3, с. 34]. Объединения комиссионеров позволяли нивелировать главную сложность книжной торговли в России – сезонность привоза новых партий книг. Как и в начале XVIII века, в первые годы XIX столетия печатная продукция европейских типографий доставлялась в нашу страну морским путем в весенне-летний период. В новых условиях появлялись возможности предварительных поставок прямо из Европы, находились новые контакты с комиссионерами на местах. Одновременно купцы изыскивали все новые пути для сбыта готовой печатной продукции. Так, иностранные комиссионеры Санкт-Петербурга использовали предварительную подписку, торговали со скидкой при заказе больших партий книг, распространяли каталоги, открывали общественные платные «библиотеки». Некоторые книжные продавцы шли еще дальше и пытались утвердиться в качестве «придворных» книгопродавцев, однако это удавалось лишь единицам [7].

В структуре профессиональной деятельности книжных магазинов российских столиц XIX века примечательно постепенное усложнение торговой деятельности. Весьма характерным для этого времени стало отказ от стратегий реализации только иностранных книг. Как правило, бизнесмены продавали еще и значительный

объем русских изданий, популярных у населения. Кроме того, торговые точки стали превращаться в универсальные магазины, в которых можно было купить картины, украшения, музыкальные инструменты. Так, например, итальянский комиссионер А. Роспини, пробивший себя в книготорговле постепенно перешел на продажу ценностей, немец Г. Клостерман помимо книг реализовывал скульптуру и мрамор. Купцы Ф. Дитмар и Дальмас Алиси занимались продажей музыкальных инструментов. При этом в рекламных объявлениях указывалось, что для посетителей работают одновременно книжный и музыкальный магазин; такие ухищрения позволяли стабилизировать бизнес, получить дополнительный доход.

Значительный интерес к русской культуре в западной Европе, начавшийся со времен Екатерины II, создал моду на сочинения о России. Учитывая, что большинство Санкт-петербургских и московских купцов уже в начале XIX века свободно торговали книга на русском языке, попытки доставить отечественную книгопечатную продукцию в страны Запада оставались лишь вопросом логистики [9, с. 100]. Одними из первых такое комиссионерство начал И.Я. Вейтбрехт в начале XIX века. Русские издания, которые он продавал, расходились на рынках Голландии, Франции, Италии, знакомя европейского читателя с Россией и ее авторами [8].

Наполеоновские войны начала XIX века помешала поступательному развитию книготоргового бизнеса иностранных комиссионеров. Финансовое состояние большей части книготорговцев существенно пошатнулось. Часть из них разорилась. В 1802-1803 гг. было продано с молотка имущество И.Я. Вейтбрехта, в 1808 г. было продано на аукционе имущество Я. Бува и других комиссионеров. Таким образом, была завершена целая эпоха иностранного книжного предпринимательства в России.

Изучение иностранной книготорговли в России свидетельствует об активных процессах проникновения зарубежной книжной продукции на российский рынок. Первопроходцами в этой деятельности стали немецкие купцы, привозившие в Россию продукцию германских типографий. Большинство из них уже имели связи с нашей страной, в результате чего немцам удалось создать крупные торговые точки и успешно противостоять давлению государственной цензуры. Перестройка российского книжного рынка была связана с процессами галломании, когда особенно сильно возрастает популярность французских книжных лавок. В результате во многом благодаря доступности зарубежной произведений в России русские читатели могли покупать с изданиями лучших европейских писателей безграничных поездок и заказов. Эти процессы обогащали русскую книжную культуру, создавали условия для развития личных библиотек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев П. Оснадацатый век: исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 3. Москва: Типография Грачева и комп, 1869. 589 с.
2. Греч Н.И. Записки о моей жизни. Санкт-Петербург: Изд. А.С. Суворина, 1886. 588 с.
3. Зайцева А.А. Иностранные книготорговцы в Санкт-Петербурге в конце XVIII – начале XIX в. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII – первой половине XIX в. Москва, 1981. С. 29-51.
4. Орлов А.А. Галломания в России // Франция и Россия в начале XIX столетия. Москва: ГИМ, 2004. С. 20-29.
5. Санкт-Петербургские ведомости. 1793. № 47. С. 1063.
6. Токмакова Т.Н. Французская книга в составе частной библиотеки Цуриковых (на материалах Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3-2 (37). С. 50-56.
7. Фафурин Г.А. И.Я. Вейтбрехт – поставщик книг для библиотеки Екатерины II // Книги и книжные собрания: история и судьбы: материалы междунар. конф. СПб., 2003. С. 10 – 12.
8. Фафурин Г.А. Книгоиздательская и книготорговая деятельность Иоганна Якоба Вейтбрехта (1744 – 1803): Из истории русско-немецких книжных связей второй половины XVIII века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2004. 24 с.
9. Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР. Под ред. С.П. Луппова. Ленинград: Наука, 1986. 252 с.
10. ЦГИА. Ф. 781. Оп. 2. Д. 431. Л. 3.

© Топильский Алексей Геннадьевич (a-topil@yandex.ru), Житин Руслан Магометович (istorik08@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина